



статьи

Л.А. Бобров

Новосибирск

Маски-личины азиатских воинов эпохи Средневековья и раннего Нового времени из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США)

Металлические маски-личины являются ярким и оригинальным элементом материальной культуры народов средневековой Евразии и традиционно привлекают к себе пристальное внимание исследователей. Первоначальное мнение о принадлежности железных масок исключительно к «бутафорским аксессуарам» для «дворцовых церемоний» [Пятышева, 1968] было подвергнуто критике и пересмотрено уже в первой половине 80-х гг. XX в., когда было предложено трактовать железные маски в качестве разновидности азиатских забрал [Горелик,

1984. С. 265–266]. За сорок с лишним лет опубликовано более двадцати подлинных боевых масок-личин [Пятышева, 1968; Измайлов, Марков, 1980; Горелик, 1984; Шавкунов, 1993. С. 80–83, 183; Бобров, Худяков, 2002. С. 129–130, 151; Горелик, 2002. С. 78; Васин, Лемешко, 2002; Горелик, 2010. С. 42, рис. 8, 6; Носов, 2010. С. 22–24, 26, 27, 58, 66, 72, 73, 89, 91–93, 97–99, 118, 124, 132, 137, 151, 153; Бобров, 2011]. Ряд исследований посвящен проблеме эволюции данной разновидности азиатских забрал [Горелик, 1984; Васин, Лемешко, 2002]. Судя по географии находок, наибольшей популярностью маски-личины пользовались у народов Восточной Европы в развитом Средневековье и у японских самураев позднего Средневековья и раннего Нового времени [Горелик, 2002; Носов, 2010]. В то же время вещественные, письменные и изобразительные источники свидетельствуют о том, что металлические маски-забрала применяли также воины Передней и Средней Азии, Монголии и Китая XIV–XVII вв. [Горелик, 2002. С. 78; Бобров, Худяков, 2002. С. 130; Бобров, Худяков, 2008. С. 469]. Особый интерес в связи с этим представляют боевые забрала народов Центральной и континентальной Восточной Азии эпохи Средневековья и раннего Нового времени, получившие наименьшее освещение в специальной литературе.

Антропоморфные забрала монгольских, китайских и маньчжурских воинов хранятся в музейных собраниях и частных коллекциях РФ, КНР, МНР, ФРГ, США и других стран. В данной статье рассмотрим две железные маски-личины из фондов музея Метрополитен (Нью-Йорк, США).

Боевая маска-личина № 1. В 2007 г. музей стал обладателем маски-личины, вхо-



Рис. 1. Маска-личина из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США) (железо, медный сплав)

дившей в состав «Тибетской» коллекции Артура Зальцбергера (Arthur Ochs Sulzberger). На экспозиции маска снабжена развернутой текстовой аннотацией, в которой говорится, что данная личина как по материалу изготовления, так и по особенностям оформления отличается от ритуальных масок Тибета и Монголии, выполненных из папье-маше, кожи или позолоченной меди, и с большой долей вероятности относится к комплексу защитного вооружения. Указывая на факты использования масок-личин воинами Восточной Европы, Ирана и Японии, специалисты отмечают, что этот образец удостоверяет единственный в своем роде факт центральноазиатской связи в использовании железных масок на пространстве от европейских степей до восточных границ Азии.

Учитывая высокую научную ценность маски-личины из музея Метрополитен, представляется необходимым ввести данное забрало в научный оборот, уточнить дату и место его изготовления.

Маска выкована из железа, а накладной выпуклый обод по краю, брови и усы изготовлены из медного сплава. Размеры забрала – 16,5 x 14,6 см. Маска выполнена в виде лица мужчины-монголоида с высокими скулами, нахмуренными бровями и усами над верхней губой. Прямой и широкий нос имеет рельефные крылья. Личина снабжена миндалевидными вырезами для глаз, широкими отверстиями для рта и носового дыхания. Последние выполнены в виде вытянутых горизонтальных овалов, причем тот, что предназначен для носового дыхания, имеет сложную вырезную форму. Нахмуренные S-образные брови и усы покрыты мелкой частой насечкой, имитирующей волосяной покров. Маска снабжена восемью сквозными отверстиями: по две пары вертикально расположенных отверстий по бокам, пара горизонтально расположенных отверстий на лбу и одиночные отверстия в верхних углах личины. Маска имела выпуклый бортик по краям, который к настоящему времени сохранился фрагментарно (Рис. 1; 2, 1).

Количество и расположение отверстий позволяет реконструировать возможные способы ношения маски. Как и ее восточноевропейские аналоги, маска могла крепиться к налобной части шлема, подниматься вверх в спокойной обстановке и опускаться на лицо в моменты опасности. Однако более вероятной выглядит версия, что маска надевалась непосредственно на голову и крепилась с помощью специальных ремней (Рис. 2, 4). Этот способ ношения был характерен для средневековых японских масок и полумасок [Носов, 2010.

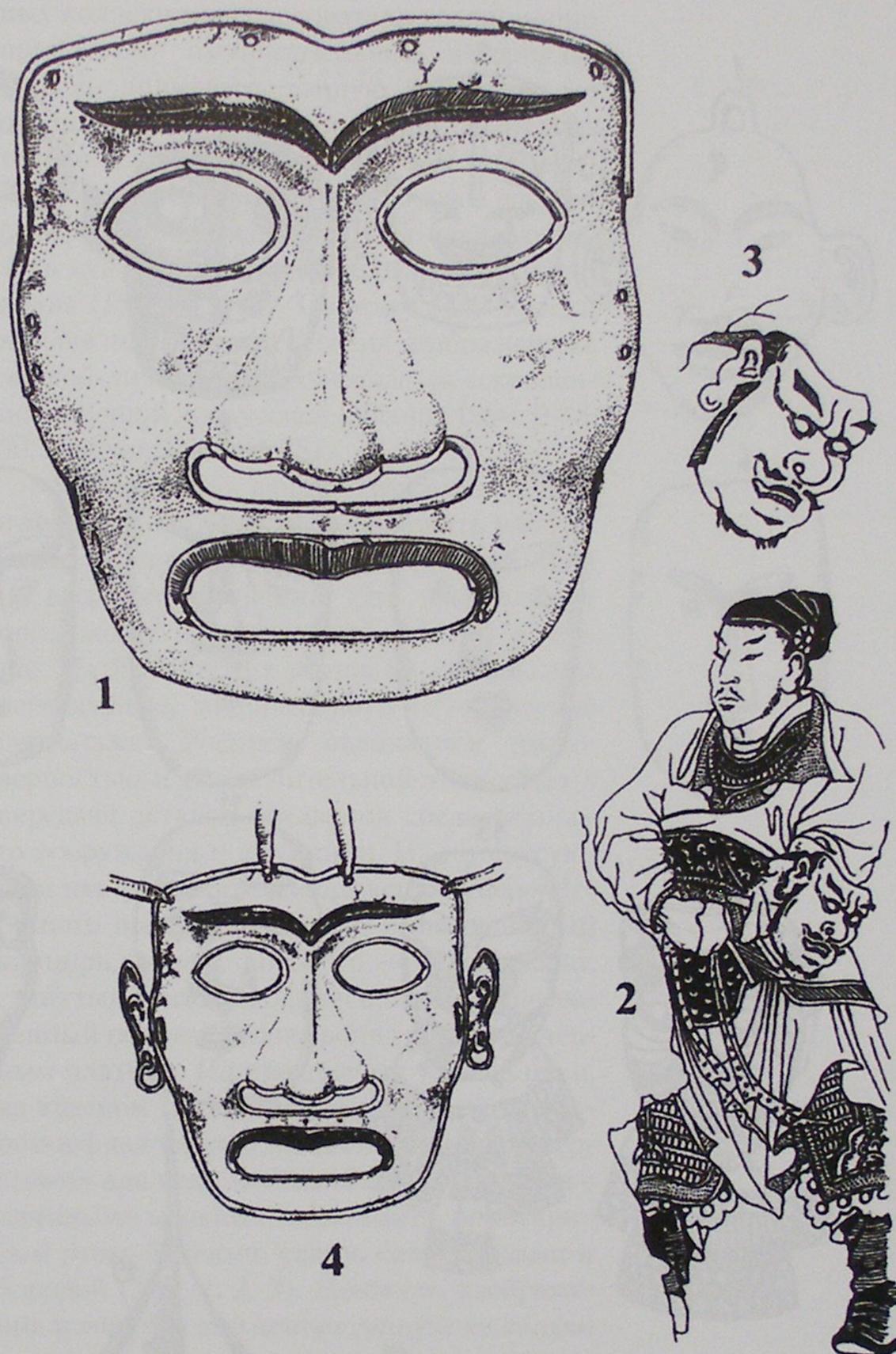


Рис. 2. Маска-личина из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США) и изображение воина с маской-личиной с росписи из монастыря Баонин (КНР)
 1. Прорисовка маски-личины из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США)
 2–3. Прорисовка воина-панцирника с маской-личиной с росписи второй половины XIV – начала XV в. из монастыря Баонин (КНР)
 4. Вариант реконструкции маски-личины с полным ободом, декоративными ушами, ремнями крепления

С. 150], но также встречался и на континенте (см. ниже). Парные боковые отверстия могли служить для крепления декоративных ушей (Рис. 2, 4), как на восточноевропейских личинах-забралах [Горелик, 2002. С. 78, рис. 2], или дублирующих ремней, удерживающих маску на голове¹. В отличие от чжурчжэньских масок XII–XIII вв. (Рис. 3, 6–11), личина из музея Метрополитен снабжена большими отверстиями для глаз, а также широкими прорезями для дыхания, позволяющими предположить, что она имела иное назначение, нежели личины лучников из Приморья и Северного Китая. В частности, это забрало могло применяться не только в дистанционном, но и

¹ Если маска действительно имела «уши» и при этом носилась в комплекте со шлемом, то купол последнего должен был иметь специальный вырез. Интересно, что многие разновидности юаньских и китайских шлемов XIV–XVI вв., действительно, имеют такой П-образный вырез над лбом.

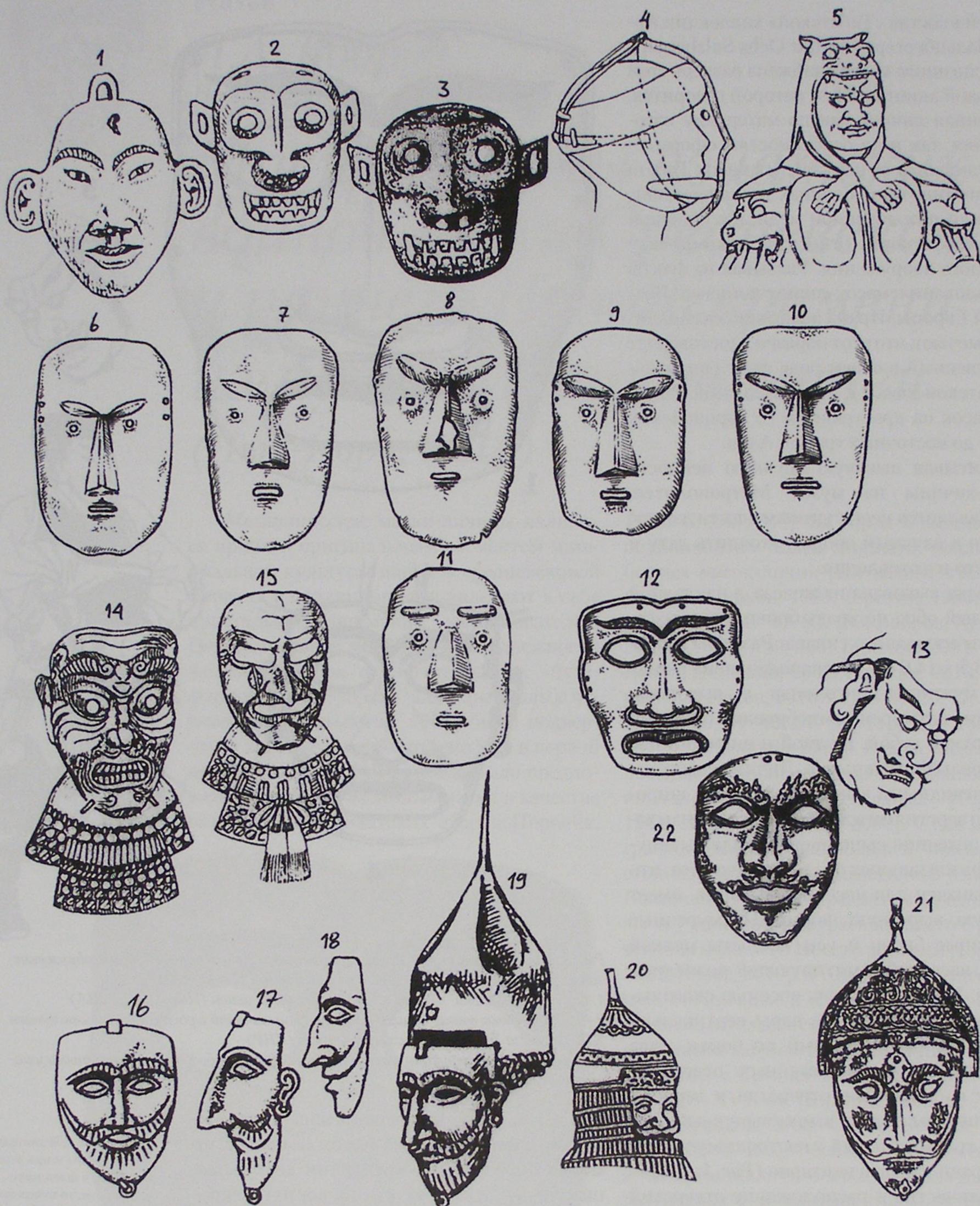


Рис 3. Маски-личины воинов Восточной Азии эпохи древности, Средневековья, раннего Нового времени и их изображения

1. Бронзовая маска XIII–XII вв. до н. э. Найдена в западной части Аньяна, пров. Хэнань
- 2–3. Бронзовые маски XII–XI вв. до н. э. (всего 23 экз.). Найдены у г. Чэнду (пр. Шэньси)
4. Вариант реконструкции способа ношения маски из Чэнду (рис. 2–3)
5. Одно из скульптурных изображений китайских воинов эпохи Тан (618–907), на котором, по мнению китайских ученых, изображена маска-личина
- 6–11. Чжурчжэньские маски-личины конца XII – первой трети XIII в. 6–9, 11 – из Приморья, 10 – из Северного Китая
12. Центрально- или восточноазиатская маска-личина XIV–XVII вв. Из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США)
13. Изображение юаньской или минской маски-личины с росписи из монастыря Баонин (КНР) второй половины XIV – начала XV в.
- 14–15. Японские маски-личины «сомэн» эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени
- 16–19. Маски кочевников Восточной Европы периода развитого Средневековья
20. Изображение шлема с маской-личинной (?). С тебризской миниатюры середины – второй половины XIV в.
21. Шлем с маской-личинной передне- или среднеазиатского производства XV–XVI вв. (Оружейная палата Московского Кремля)
- 1, 2, 16–20 – по М.В. Горелику; 3, 5 – по Лю Юнхуа; 4 – по А.В. Старикову; 14–15 – по К.С. Носову
22. Центрально- или восточноазиатская маска-личина XIV–XVII вв. Из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США)

(как японские маски XVI–XVII вв.) в рукопашном бою.

Сопоставление маски из музея Метрополитен с известными личинами-забралами воинов Восточной Европы и Азии позволяет убедиться в ее оригинальности – как в конструкции, так и в оформлении. От большинства восточноевропейских масок развитого Средневековья (*Рис. 3, 16–19*) и их передне- и среднеазиатских дериватов XV–XVII вв. (*Рис. 3, 21*) личина из музея Метрополитен отличается подчеркнутой монголоидностью формой и размерами отверстий для рта и носового дыхания, формой декоративных усов и бровей, системой расположения крепежных отверстий. В то же время она разительно отличается и от чжурчжэньских (цзиньских) масок (*Рис. 3, 6–11*) с маленькими округлыми отверстиями для глаз, массивным острым носом и узкой щелью для рта [Бобров, Худяков, 2003. С. 173, табл. 4, рис. 23]. В наибольшей степени личина из музея Метрополитен напоминает позднесредневековые японские маски «сомэн» (*Рис. 3, 14–15*). Однако последние, как правило, состоят из нескольких элементов, часто имеют съемный нос, лаковое покрытие и иную систему оформления (Носов, 2010. С. 71, 72).

Несмотря на значительные отличия от восточноевропейских и восточноазиатских масок, личина из музея Метрополитен в то же время имеет в своем оформлении элементы, присутствующие у ее западных и восточных аналогов. С масками восточноевропейских кочевников и их позднесредневековыми дериватами ее роднит наличие усов (пусть и иной формы), наличие и принцип крепления предполагаемых ушей, а также характерная насечка, покрывающая поверхность усов и бровей (*Рис. 3, 12, 16–19*). В то же время горизонтальное ребро жесткости на бровях имеет аналоги на позднечжурчжэньских масках (*Рис. 3, 6, 9, 10*) и налобниках центрально- и восточноазиатских племей [Бобров, Худяков, 2003. С. 173, табл. 4, рис. 18, 20, 23; Бобров, 2008]. Форма носа анфас и принцип размещения отверстий (который предполагает возможность ношения личины непосредственно на голове) также сближают маску из музея Метрополитен с позднечжурчжэньскими забралами. Сочетание всех этих элементов в одном предмете позволяет предположить, что мастер, изготовивший его, мог быть знаком с изделиями как восточноевропейских, так и восточноазиатских оружейников.

Для атрибуции и датировки средневековых предметов защитного вооружения из числа случайных находок и старых оружей-

ных коллекций исследователи традиционно привлекают изобразительные материалы. Однако применить данную процедуру по отношению к маскам-личинам затруднительно из-за их подчеркнутой антропоморфности. В большинстве случаев сложно с уверенностью сказать, что пытался изобразить художник – маску или все-таки лицо воина (*Рис. 3, 5, 20*). Поэтому практически каждая попытка соотнесения изображения с маской-личиной сопровождается оживленной научной дискуссией [Nicolle, 1990. P. 18, 50; Горелик, 2002. С. 78].

Уникальность данной ситуации состоит в том, что нам удалось обнаружить изображение маски, боевое назначение которой не вызывает сомнений. Это изображение происходит из монастыря Баонин в Китае. На Баонинских росписях запечатлены легендарные, мифические и исторические персонажи. Росписи отличаются достоверностью и исключительной точностью в передаче деталей предметов средневекового вооружения и амуниции. На интересующем нас фрагменте изображен офицер «Небесного воинства», одетый в ламеллярный панцирь, поверх которого – белый халат, стянутый мягким подпоясником и перехваченный ремнем. Голова воина обмотана черным платком. На предплечье, у сгиба руки, на красном (кожаном?) ремне висит антропоморфная маска с миндалевидными отверстиями для глаз, массивным носом, ушами с длинными мочками (серьгами?), приоткрытым ртом, бровями, усами, бакенбардами и бородой (*Рис. 2, 2, 3*). Ценность изображения в том, что оно демонстрирует не только самое маску-личину, но и один из вариантов ее ношения в небоевых условиях. Маска на росписи из монастыря Баонин имеет несомненное конструктивное и оформительское сходство с личиной из музея Метрополитен. Главное отличие заключается в присутствии, помимо бровей и усов, также бакенбард и бороды, которые, возможно, выполнены не из металла, а из настоящих волос (как на позднейших японских масках).

Интересующие нас росписи монастыря Баонин были выполнены во второй половине XIV – начале XV в.², т.е. В конце правления династии Юань (1271–1368) – начале правления династии Мин (1368–1644), и традиционно привлекаются китайскими исследователями для характеристики вооружения юаньских и минских воинов [Лю Юнхуа, 2003. С. 156, 158, 160, 161, 173, 182, 185].

Металлические маски-личины начали применять в Китае уже в эпоху древности [Горелик, 1993. С. 336, табл. LX, 99, 100]. В развитом Средневековье забрала в виде

² В монастыре имеются и росписи более раннего периода, датирующиеся концом XIII – первой половиной XIV в.



Рис. 4. «Улыбающаяся» маска-личина из музея Метрополитен (Нью-Йорк, США) (железо, медный сплав, позолота, золотая и серебряная насечка) [L. 1994. 23]

* В самом музее Метрополитен эту маску датируют XII–XIV вв. – Примеч. ред.

«тигриной морды» использовали латники династии Сун [Бобров, Худяков, 2003. С. 116–118]. Железные маски защищали лица панцирных лучников чжурчжэньской империи Цзинь и ее политических наследников конца XII – начала XIII в. [Там же]. Изобразительные источники фиксируют факты применения боевых масок в конце правления династии Юань – начале Мин [Лю Юнхуа, 2003. С. 182]. Именно к этому периоду относятся изображения личин, аналогичных маске из музея Метрополитен, что позволяет выбрать данное время как нижнюю границу ее изготовления. Личины применялись в Китае, Маньчжурии и Монголии и позднее, вплоть до второй половины XVII в. В частности, в письменных источниках упоминается о металлических «масках» панцирных пехотинцев «тигровой гвардии» южнокитайской армии Чжэнов [Фомина, 1974. С. 184]. «Шлемы с забралами», находившиеся на вооружении чжурчжэньских тяжеловооруженных всадников, фигурируют в китайских эпических произведениях позднего Средневековья – раннего Нового времени [Цянь Цай, 2003. С. 381]. В преданиях вакарийских тунгусов сохранились сведения о том, что их

далекие предки были снабжены: «...железными пиками, защищали лицо железными масками» [Бобров, Худяков, 2003. С. 117]. Железные забрала упоминаются в поздне-средневековом монгольском эпосе [Бобров, Худяков, 2008. С. 469]. Распространение во второй половине XVI–XVII в. в регионе новых типов шлемов, снабженных налобником в комбинации с козырьком и бармицей «закрытого типа», эффективно защищавших лицо от секущего сабельного удара, привело к постепенному вытеснению из военного обихода железных личин.

Таким образом, маска из музея Метрополитен может быть датирована XIV–XVII вв.* и соотнесена с комплексом вооружения латников Центральной или континентальной Восточной Азии этого времени. Наиболее вероятным периодом ее изготовления следует считать XIV – начало XV в., т.е. завершающий период господства в Китае монгольской династии Юань и начальный – правления династии Мин. В пользу данной версии свидетельствуют и изображения близких по конструкции и оформлению масок в монастыре Баонин, а также сочетание в личине из музея Метрополитен оформительских приемов, характерных для забрал кочевников Восточной Европы и чжурчжэньской империи Цзинь.

В период Юаньской империи в Китае были расквартированы крупные контингенты восточноевропейских вассалов монголов – кипчаков, русских, аланов [Золотая..., 2009. С. 214–216]. Что касается чжурчжэньских отрядов, то они активно включались в состав монгольских армий уже с первой трети XIII в. [Храпачевский, 2004. С. 161, 172]. Таким образом, оружейник, изготовивший маску, мог быть знаком с технологиями и приемами как западных, так и восточных мастеров. То, что маска оказалась в числе артефактов, вывезенных из Тибета, также не противоречит данному предположению. Именно в период Юаньской династии среди феодальной знати Центральной и континентальной Восточной Азии распространилась традиция преподнесения в дар тибетским монастырям предметов вооружения, которая сохранилась в эпохи Мин и Цин [Бобров, Худяков, 2006. С. 192; Бобров, Худяков, 2008. С. 52].

Боевая маска-личина № 2. Железная маска-личина (L. 1994. 23), происходящая из Kronos Collection, была приобретена музеем Метрополитен в 1994 г. В отличие от первого забрала, она была включена в число предметов «ламаистского культа» и некоторое время не привлекала внимания оружейников. В настоящее время сложно сказать,

что заставило сотрудников музея отнести массивную личину из кованого железа к числу предметов для религиозных церемоний. Возможно, причина кроется в компактных размерах, застывшей на губах маски «улыбке» или богатой золотой и серебряной отделке. Весьма вероятно, что, перед тем как попасть в руки коллекционеров, маска действительно использовалась в религиозных церемониях. Однако это совершенно не означает, что личина первоначально не входила в число предметов боевого назначения. Основные параметры маски (материал, размеры) вполне соответствуют антропоморфному забралу из «оружейной коллекции», по конструкции они весьма схожи, а главные отличия заключаются в особенностях декоративного оформления [Бобров, 2011]. Все эти факторы позволяют рассматривать «улыбающуюся» маску из музея Метрополитен как элемент комплекса защитного вооружения.

Основное поле маски выковано из железа, а накладной позолоченный обод по краю глазных вырезов изготовлен из медного сплава (Рис. 3, 22; 4). Высота забрала: 16,0 см. Как и в предыдущем случае, маска выполнена в виде лица мужчины-монголоида с высокими скулами, нахмуренными бровями, усами и редкой бородой, переходящей в бакенбарды. Однако если забрало из оружейной коллекции музея Метрополитен имеет форму перевернутой трапеции, то для данной личины характерен вытянутый «каплевидный» (пятиугольный) контур, придающий маске изящные и весьма реалистичные очертания. Этот эффект достигается за счет широких скул, плавно переходящих в массивный выпуклый подбородок. Нос передан также достаточно реалистично: он лишен вертикального ребра жесткости, имеет рельефные крылья и дополнен сквозными отверстиями «ноздрей». В целом, складывается впечатление, что мастера, изготавливавшие маску, не только придавали большое значение ее функциональным качествам, но и старались угодить эстетическим вкусам заказчика.

Личина снабжена миндалевидными глазными вырезами, отверстиями для рта и носового дыхания. Последние имеют значительные отличия от своих аналогов на маске из «оружейной коллекции». Если в первом случае они переданы вытянутыми овалами, то во втором представлены в виде парных «ноздрей», а фигурная ротовая прорезь выполнена в виде улыбающегося рта с тонкими позолоченными губами.

Если овал лица, глаза, нос и рот переданы весьма реалистично, то «волосной по-

кров», напротив, показан гипертрофированно. Густые брови и бакенбарды, редкие усы и борода оформлены в виде характерного для Восточной и Центральной Азии узора «языки пламени в клубах дыма». Если на первой маске брови и усы представляют собой вырезные металлические накладки [Бобров, 2011. С. 205, рис. 1], то на рассматриваемой личине они, а также борода и бакенбарды переданы методом серебряной и золотой насечки по металлу (Рис. 4). Противникам воина в маске должно было казаться, что они сражаются с духом, демоном или божеством, волосы которого полыхают золотым огнем.

Судя по расположению отверстий, личина могла крепиться к шлему или надеваться непосредственно на голову воина и фиксироваться с помощью кожаных ремней.

В музее Метрополитен личину датировали XV в. и соотнесли с комплексом вооружения воинов Тибета. Нам представляется, что подобная атрибуция слишком ограничена как во временном, так и в региональном диапазоне, тем более что в настоящее время еще не зафиксированы письменные и изобразительные источники, свидетельствующие о применении тибетцами той эпохи антропоморфных забрал.

«Улыбающаяся» маска из музея Метрополитен по своей конструкции и оформлению разительно отличается от чжурчжэньских масок конца XII–XIII вв., «усатых» личин воинов европейских степей, Ближнего Востока и Ирана эпохи развитого и позднего Средневековья, японских составных забрал «сомэн» XV–XVII вв. Некоторые типы восточноевропейских масок развитого Средневековья не имеют накладных «усов», «носы» личин снабжены сквозными «ноздриями», а «рты» растянуты в улыбке [Горелик, 2002. С. 78]. Однако по другим важным параметрам (контур забрала, форма и система оформления смотровых отверстий и ротовых вырезов, декор и др.) они имеют существенные отличия от маски из музея Метрополитен. Тем не менее близость некоторых конструктивных и оформительских решений дает основания полагать, что мастера, изготовившие «улыбающуюся» личину, были знакомы с изделиями восточноевропейских оружейников.

Наиболее близкие аналоги «улыбающейся личины» из музея Метрополитен мы встречаем все на тех же настенных росписях монастыря Баонин, датированных концом эпохи династии Юань – началом правления династии Мин [там же. С. 206, рис. 2, 2; Лю Юнхуа, 2003. С. 156, 158, 161, 182]. Изображенные на них боевые антропоморфные за-

брала снабжены отверстиями для носового дыхания в виде округлых «ноздрей», миндалевидными вырезами для глаз, массивным носом, усами, бородой и бакенбардами. Но, что особенно интересно, «рот» баонинских масок растянут в широкой улыбке, как на рассматриваемом забрале из музея Метрополитен (Рис. 2, 2, 3).

Появление масок «баонинского типа», сочетающих элементы оформления и конструкции, характерные для запада и востока Евразии, мы считаем результатом симбиоза военно-культурных традиций, который стал возможен в рамках складывания Чингисидской имперской культуры [Горелик, 2007. С. 201] в эпоху Великих монгольских завоеваний, существования Чингисидских держав и их политических наследников. Знакомство мастеров Восточной и Центральной Азии с комплексом вооружения народов Восточной Европы, а также мусульманской Западной и Средней Азии стало мощным стимулом для развития традиционного доспеха этих регионов.

Баонинские росписи позволяют определить нижнюю границу бытования масок данного образца в Восточной Азии – это XIV в. Верхней границей является XVII в., когда в результате распространения новых типов шлемов маски-личины были вытеснены из широкого военного употребления в регионе [Там же. С. 206–209].

Таким образом, представляется возможным предложить датировки «улыбающейся» маски – широкую (XIV–XVII вв.) и локальную (XIV – начало XV в.). В пользу данных датировок свидетельствует и характерный «огненный узор», получивший в эпоху развитого и позднего Средневековья широкое распространение как в Монголии, так и в Тибете и Китае. Авторами маски могли быть центрально- или восточноази-

атские мастера, знакомые с изделиями оружейников Восточной Европы и Западной Азии. Судя по изяществу отделки, наличию золотой и серебряной насечки, владельцем личины являлся состоятельный латник из Монголии, Китая, Маньчжурии или Тибета. По всей вероятности, первоначально маска применялась как элемент защитного вооружения, а затем была передана в качестве дара в один из тибетских монастырей и использовалась в ходе религиозных церемоний.

Подводя итог, особо подчеркнем, что появление и распространение в Центральной и континентальной Восточной Азии антропоморфных забрал «баонинского типа» стало важным этапом развития металлической защиты лица в этих регионах. В эпоху правления династии Юань такие забрала существенно потеснили (или даже совершенно вытеснили) традиционные для Китая личины в виде морд чудовищ, обезьян и тигров, а также массивные стилизованные забрала чжурчжэньских лучников. Судя по данным письменных, изобразительных и фольклорных источников, маски-личины «баонинского типа» продолжали использоваться в Монголии, Южной Сибири, Китае и Маньчжурии даже в XVII в.

Следует также отметить, что датировка масок из музея Метрополитен XIV – началом XV в. позволяет по-новому взглянуть на начальные стадии эволюции японских антропоморфных забрал «сомэн» XV–XVII вв. Возможно, черты их сходства с личинами из музея Метрополитен и баонинскими изображениями объясняются тем, что некоторые конструктивные и оформительские элементы были усвоены японскими мастерами при знакомстве с масками своих континентальных соседей эпохи Юань и Мин.

Литература

Артемова Н.Г. Предметы защитного вооружения с Красноярского городища // Вестник ДВО РАН, 1999, № 5. С. 36–41.

Бобров Л.А. Шлем «цзиньского типа» из Внутренней Монголии // Военная археология. Вып. 1. Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. М., 2008. С. 106–115.

Бобров, Л.А. Средневековая боевая маска-личина из Музея Искусств Метрополитен (г. Нью-Йорк) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 3. С. 117–126.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина перио-

да позднего Средневековья // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии: Сб. науч. статей / Под ред. Ю.С. Худякова, С.Г. Скобелева. Новосибирск, 2002. С. 106–168.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого и позднего Средневековья и Нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии эпохи позднего Средневековья: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.С. Худякова, С.Г. Скобелева. Новосибирск, 2003. С. 66–212.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Монгольское влияние на военное дело тибетцев в позднем Средневековье и

начале Нового времени // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография (Приложение 2). С. 188–234.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Васин П.А., Лемешко А.Б. Личины // Сайт «Тоже город»: <http://www.tgorod.ru/index.php?topgroupid=2&groupid=7&subgroupid=5&contentid=224>

Горелик М.В. О средневековых восточных шлемах с масками и одной центральноазиатской изобразительной традиции // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. Вып. 7. М., 1984. С. 265–266.

Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). М.: Наука; Вост. лит., 1993. 349 с.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: ООО «Восточный горизонт», 2002. 84 с.

Горелик М.В. Культура империй, созданных кочевниками (скифы, хазары, монголы) // История и культура Улуса Джучи. Казань, 2007. С. 195–201.

Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2008. Вып. 15. С. 158–189.

Горелик М.В. Монголо-татарские шлемы с маскаронами // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших вре-

мен до начала XX в. Владивосток, 2010. Вып. 1. С. 28–43.

Измайлов И.Л., Марков В.Н. Железная маска-забрало с территории Волжской Булгарии // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980. С. 121–125.

Золотая Орда в источниках. Китайские и монгольские источники. М.: Наука, 2009. 336 с.

Лю Юнхуа. Чжунго гудай цзюньжун фуши (Вооружение и обмундирование в Древнем Китае). Шанхай: Изд-во Китайской шанхайской классической типографии, 2003. 430 с. (на кит. яз.).

Носов К.С. Самураи: эволюция вооружения. М.: Эксмо, 2010. 368 с.

Пятышева Н.В. Восточные шлемы с масками в Оружейной палате Московского Кремля // СА. 1968. № 3. С. 227–232.

Стариков А.В. Тяжелая пехота Древности. Пехота и колесницы. История первая, дальневосточная // Армия и битвы. Военно-исторический альманах. № 10, 2008. С. 2–9.

Фомина Н.К. Борьба против Цинов на Юго-Востоке Китая (середина XVII в.). М.: Наука, 1974. 284 с.

Храпачевский, Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, 2004. 557 с.

Цянь Цай. Сказание о Юэ Фэе – славном воине Поднебесной. СПб.: «ТРИАДА», 2003. 571 с.

Шавкунов, В.Э. Вооружение чжурчженей XII–XIII вв. Владивосток: Дальнаука, 1993. 185 с.

LaRocca D. Warriors of the Himalayas: Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York, London: Yale University Press, 2006. 307 p.

Nicolle D. The Age of Tamerlane. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 1990. 63 p.

Сокращения

КБР – Кабардино-Балкарская Республика
КБНЦ – Кабардино-Балкарский научный центр
СА – Советская археология

L.A. Bobrov

Mask-visors of the Asian warriors of the Middle Ages and the early modern period from the Metropolitan Museum collection (NY)

The article considers unique protection battle items exhibited in the Metropolitan Museum such as iron visors shaped like a human-face masks. The author found that the paintings on the walls of the Baoning Temple (China), dated to the 2nd half of the 14 – early 15 centuries, are strictly similar to the visors.

Analysis of human-face-like mask-visors of 13–17 cc. from Eastern Europe to Japan by the author results in his opinion that the Metropolitan Museum artifacts are dated back to the 14–15 cc. resulting from interaction of the western and eastern traditions during the Genghis Khan descents' imperial culture rising.

2011 г.